

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

РОМАН ГЛУШКОВ

СОРВАВШИЙСЯ С ЦЕПИ

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г55

Разработка серийного оформления художника *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Глушков, Роман Анатольевич.

Г55 Сорвавшийся с цепи / Роман Глушков. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-04-089720-9

Недалекое будущее.

Евразия тонет. На дне Ледовитого океана свирепствуют вулканические катаклизмы, и он наступает на юг, год за годом отъедая от материка гигантские полосы суши.

Пропащий Край — территории, которые скоро уйдут под воду. Покинутые, мертвые и истерзанные частыми землетрясениями. В Пропадшем Краю давно нет закона, но еще есть храбрцы, которые на свой страх и риск продолжают качать здесь нефть.

Мизгирь — командир наемников, защищающих бизнес своего хозяина от посягательства конкурентов и бандитов. На самых отъявленных из последних наемники порой устраивают охоту. Это азартная игра для тех, кому обычные местные развлечения кажутся слишком пресными. Но однажды азарт оборачивается кошмаром, когда в округе появляется тварь, с которой охотники прежде еще не сталкивались...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089720-9

© Глушков Р., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Лицо врага поражает меня
тогда, когда я замечаю, как оно
похоже на мое.

Станислав Ежи Лец

Пролог

«**В**нимание, водитель! Это шоссе ведет в никуда! Других населенных пунктов дальше нет! Погорельск — северная граница Пропащего Края!» — предостерегал изрешеченный пулями придорожный щит. Не иначе, его успели продырявить из всех видов стрелкового оружия, какое только встречалось в округе. Виднелись даже отверстия треугольной формы — судя по всему, от наконечников арбалетных болтов.

— Э-хе-хе. Кажется, попутку до города мне не поймать, — пробормотал Старик, прочтя надпись на щите. — Сколько там, бишь, до этого Погорельска?

Он присмотрелся к карте внизу щита, и та подсказала ему, что город расположен в двенадцати километрах южнее.

— М-да, прилично. — Старик почесал в затылке. — Однако куда ж деваться? Пойду прогуляюсь. Благо еще утро и спешить некуда.

И он, зябко подняв воротник старомодного плаща, зашагал на юг.

Спешить ему и правда было некуда. День, который Старик ждал целых двадцать пять лет и до которого почти не чаял дожить, все-таки настал, и это главное.

Вот только ничего торжественного в нем не было. Никто не встречал Старика за воротами тюрьмы, да и с погодой не подфартило. Когда его упекли в Святой Острог — в те годы еще обычную колонию строгого режима, — лето было сухое и жаркое. А нынешний промозглый июль больше напоминал конец осени. Тем более что вокруг не наблюдалось ни одного зеленого дерева и трава была сплошь пожухлой.

Шум закрывающихся за спиной железных ворот Острога напоминал стон умирающего испанского чудовища. Старик поморщился: дрянное напутствие. Тюремный привратник тоже не пожелал ему удачи. Выставил за порог и — гуляй на все четыре стороны. Ну и пусть. Старик четверть века не слышал в свой адрес добрых слов, так почему должен был услышать их сегодня?

Ладно хоть, начальник проводил старейшего острожника по-человечески: выдал ему немного денег и направление в дорожную службу Погорельска. Эта бумага позволит Старику устроиться туда рабочим и получить кров над головой: нары в бараке для несемейных. Конечно, если освобожденный надумает здесь остаться.

Если же не надумает, ему придется гораздо труднее. Выходного пособия не хватит на то,

чтобы уехать из Пропащего Края на теплый, спокойный Юг. В этом случае Старик застрянет без гроша в незнакомой стороне, где он будет никому не нужен и где ему никто не протянет руку помощи.

Был и третий путь — вернуться к преступной жизни. Но такой вариант бывший зэк всерьез не рассматривал. За время его отсидки мир стал совершенно другим, и в здешних краях сменилось не одно криминальное поколение. А нынешнее понятия не имело, кем когда-то был Старик, и не окажет ему ни малейшего почтения.

Он знал это, глядя на молодых зэков Острога. Имена их разгуливающих на свободе главарей Старику ни о чем не говорили. Так же как имя самого Старика было для дерзкой молодежи пустым звуком. Он был для нее простым острожником, только и всего. Трудягой, который держался в тени и не искал себе проблем.

Зато работы Старик не боялся. Любой, даже тяжелой.

Это в первые годы заключения он еще выпячивал свой бандитский гонор. Но когда в колонии сменилась власть, а снаружи и вовсе настало безвластье, ему быстро обломали рога. О чем он, впрочем, теперь не жалел. Правильно сделали, что обломали. Занявшись каждодневным трудом, Старик почувствовал, как его шальные мысли пришли в порядок, бунтующий нрав смягчился, а физическая усталость дарова-

ла хороший сон. Бездельничать и наживать себе врагов стало некогда. Разве что друзьями Старик тоже не обзавелся. Но, как показала его в корне изменившаяся жизнь, уходя с головой в работу, он мог обходиться и без друзей.

В Остроге Старик всячески избегал неприятностей. И не собирался искать их на свободе. Его все еще крепкие руки могли пригодиться на ремонте дорог? Почему бы нет. Ему некуда было идти, и его никто не ждал. Кроме, как выяснилось, дорожной службы Погорельска. Что ж, и на том спасибо — значит, напрямик туда Старик и отправится.

Единственное, что пока нервировало его на воле, — отсутствие стен. Двадцать пять лет они окружали его — в камере, в мастерских или на тюремном дворе. И теперь, когда его взор ни во что не утыкался аж до горизонта, бывшему узнику становилось малость не по себе. Казалось, дунь ветер сильнее — и он упадет, поскольку ему будет не за что ухватиться.

Но ветер дул и дул, а Старик все не падал. И его одинокая, чуть сгорбленная фигура продолжала идти по пустынному шоссе на юг, в Погорельск. Туда, где ему, отныне свободному человеку, пообещали жилье и работу...

Глава 1

— Ты не понимаешь, стрельбан! У нас не было выбора! — вскричал Чегрик. Сейчас он дрожал и от страха, и от холода, поскольку вода, которой комвзвода Мизгирь поливал его из шланга, качалась прямо из скважины.

— Что значит — не было выбора? — удивился Мизгирь, продолжая смывать с пленника грязь и нечистоты. — Тебе что, приставили нож к горлу, когда ты со своими корешами насилдовал дочку хозяина бара «Мазутное счастье»?

— Почти так, — закивал Чегрик, начиная стучать зубами. — Приказ б-братьев Дерюжных страшнее ножа. Ослушаешься — они тебя не п-просто под нож пустят. Сначала они вырежут у тебя из б-брюха кишки, а потом заставят их жрать, пока не п-подохнешь... Х-ватит, стрельбан, умоляю! Я уже ч-чистый!

— Сами братья Дерюжные, говоришь, — хмыкнул комвзвода. — Какая, мать твою, неожиданность! И чем бедная девчонка перед ними провинилась?

— Ты что, не в к-курсе? Петька Д-дерюжный втюрился в нее и подбивал к ней к-клинья.

А эта недотрога его отшила. И вдобавок оскорбила п-при всех. Вот Дерюга-младший и слетел с к-катушек. Ладно хоть, убивать девчонку не велел — только отыметь ее по п-полной и лицо изуродовать. Д-да нас самих потом с души воротило! Мы даже в з-запой ушли!

— Ты глянь, какие мы чувствительные! А что же вы просто не сбежали, если эта грязная работа пришлась вам не по нутру?

— Куда бежать, м-мужик?! Сам-то п-понял, что сказал? — Чегрик нервно хихикнул.

Возразить было нечем. Чегрик прав: мерзавцам вроде него убратся из Пропащего Края чрезвычайно трудно. Автобусы и поезда сюда не ходят, а водители нефтевозов таких попутчиков не берут. Разве только Чегрик угнал бы чей-нибудь автомобиль. Да только он решил, что лучше исполнить приказ сильных мира сего, нежели ссориться с ними.

Окатив напоследок ледяной водой пленнику лицо, Мизгирь наконец-то даровал ему пощаду: закрыл вентиль и, отложив шланг, бросил Чегрику обрывок старой простыни. Тот поймал ее трясущимися руками и, закричав от удовольствия, взялся растирать свое покрытое тюремными наколками костлявое тело.

— Эхма, тыпнуть бы сейчас бухача, а то продрог я после твоего купания как цуцик, — пожаловался насильник. — Может, плеснешь глоток, а? И сигареткой угости, если не в падлу.

— В городе выпьешь и покуришь, когда туда доберешься, — ответил Мизгирь. После чего бросил к ногам Чегрика застиранную слесарную робу и пару стоптанных ботинок: — Одевайся!

— Так, значит, это... и правда отпускаешь? — Пленник недоверчиво взглянул на выданную ему одежду и обувь.

— Я же сказал: сознаешься в грехах — отпущу, — напомнил комвзвода.

— А моих дружанов? — Чегрик указал на оставшихся в выгребной яме Кукиша и Махорку. Стоя по колено в зловонной жиже, они прислушивались к тому, что происходило наверху, так как это в равной степени касалось и их.

— Если тоже раскаются, отпущу и их, — пообещал Мизгирь. И, оглянувшись на стоящих позади товарищей, пояснил: — Мы солдаты, а не палачи. С нас хватит и того, что вы неделю просидели в дерьме и жрали дерьмо. Но если кто-то из вас снова попадетсЯ нам на глаза, больше пощады не ждите.

— Будь спокоен, стрельбан, мы здесь не задержимся, — заверил его Чегрик. И, натягивая робу, крикнул приятелям: — Все пучком, бродяги! Хорош играть в несознанку! Эти стрельбаны — правильные мужики. Не ерепеньтесь и делайте, как они говорят, усекли?..

— Подождем еще немного, — сказал Мизгирь, посмотрев на часы. Прошло десять минут после того, как насильники обрели свободу и

покинули форпост. — Незачем суетиться. Эти трое — не спортсмены, их легкие прокурены, и бегуны из них так себе. Вдобавок они неделю просидели в Гламурной яме на хлебе и воде. Так что дадим им фору.

— Мы и сами давно прокурены и не бегаем трусцой по утрам, командир, — напомнил ему замкомвзвода Кайзер, снаряжая патроны в свой «ремингтон». — В позапрошлый раз загонщики облажались, потеряв «зверя» из виду. Кабы Боржоми не сделал свой удачный выстрел с полукилометра, тот шустрик перебежал бы через шоссе, и поминай как звали. Напомни-ка, что случится, если однажды мы кого-нибудь упустим и братья Дерюжные прознают о нашем охотничьем клубе?

— С братьями как-нибудь договоримся, не впервой, — ответил комвзвода. — Главное, чтобы об этом не прознали хозяева Острога. Пускай «святые» и ярые противники смертной казни, загреметь в их монастырь-колонию до конца своих дней мне не светит.

— Как и мне, командир, — признался Кайзер. — Хотя, готов поспорить, Ледовитый океан придет сюда раньше, чем мы умрем от старости. Поэтому давай выдвигаться. Лучше стрелять мимо, если хочешь дать «зверю» побегать, чем отпускать его слишком далеко.

— Наверное, ты прав, — не стал спорить Мизгирь. И, оглядев охотничью команду, махнул рукой: — Загонщики, вперед! Остальным

номерам держать интервал и двигаться в темпе на северо-северо-восток, к шоссе. Короче, все как обычно. Смотрите не подстрелите товарища. Ну а тому, кто сделает первый удачный выстрел, Мурат Антонович презентует традиционную бутылку виски!

— Даю слово, черт бы меня побрал! «Лагавулин» шестнадцатилетней выдержки, если вам, обормотам, это название о чем-то говорит! — подтвердил зычным голосом отставной полковник Горюев — бывший комполка Мизгирия, а ныне хозяин нефтяной компании «Горюев-Север», чьи три буровые станции стояли в окрестностях Погорельска. Включая ту, что носила имя «Гордая» и где служил шефом охраны отставной капитан Мизгирев.

Предложение высокого гостя и почетного члена клуба вызвало гул одобрения. Затарахтели моторы квадроциклов, и загонщики — нынче по жребию ими работали Хан и Горыныч, — рванули пугать «зверье», дабы то бежало в нужную сторону. А охотники растянулись в цепь и быстрым шагом отправились по следам Чегрика, Кукиша и Махорки.

Лишних людей в клуб не брали — только тех, кому доверяли. Из пятнадцати охотников восемь служили когда-то под командованием Горюева, а теперь, как и Мизгирь, охраняли его бизнес в Пропашем Краю. Прочие семеро тоже являлись ветеранами Первой и Второй Уральских войн